

Владимир КАЗАКОВ:

«ВЕРЮ В СИЛУ ТЕАТРА»

Владимир Казаков — один из ведущих актеров Архангельского театра драмы имени М. В. Ломоносова. Он выучился на этой сцене, вырос на ней и возмужал. Мы, зрители, были свидетелями всех этапов его становления. И может, еще потому так любим этого актера.

Впервые в большой роли Казаков показался двенадцать лет назад. Был он тогда «еще не мастер, а только ученик» — ученик студии, что в ту пору очень интересно работала при ломоносовском театре. В «Городе без любви» Л. Устинова Казаков обратил на себя внимание исполнением роли Пустыряка. Замечалось уж тогда что-то решительное, смелое в глазах этого невысокого, но крепкого, характером упрямого парня — чувствовалось, что новичок не боится сцены, что он ищет на ней, образно говоря, свое место.

С тех пор Владимир Казаков сыграл десятки ролей. Вспомним Егоршу в спектакле «Две зимы и три лета» по роману Ф. А. Абрамова. Как не прост был этот деревенский красавец, балагур и весельчак. Казаков нашел для персонажа особую интонацию, когда из бравады, балагурства Егорши вдруг проскальзывало в голосе что-то неверное и злое; актер нашел и особую, скользкую пластику: походочку-проходки у Егорши — будто в танце, но вдруг жесткий прыток и снова небрежно, с ленцой проходишь. Чрезвычайно интересно (и тревожно!) было наблюдать, как все ближе приближается Егорша к тому моменту в своей жизни, когда начнет он топтать все то святое, что его окружало. Актер был беспощаден к персонажу, но мы видели, что играл он Егоршу с огромным наслаждением.

В последние годы Казаков успешно пробует свои силы в инсценировках прозаических произведений, сам ставит их на сцене. Так появились спектакли «Живи и помни» (инсценировка повести В. Распутина) и «Пасынок» по широко известной у нас на Севере повести Н. К. Жерякова (песа написана вместе с автором).

В «Живи и помни» В. Казаков к тому же сыграл Андрея Гуськова. Думается, эта работа до сих пор остается лучшей у него. Недавно, 4 февраля, в день своего 40-летия, Владимир Александрович вновь показал нам «Живи и помни». И зрители увидели, что с годами спектакль не только не растерял своих достоинств, но и обрел большую завершенность. Вновь потрясли его исповедальность, его отчаяние и вышший суд. Владимир Казаков и Людмила Бынова истово провели нас сквозь трагедию Андрея и Настены.

Спрашиваю у Казакова:

— Владимир Александрович, вы с самого начала мечтали о таком совмещении профессий: автор инсценировок — режиссер — актер?

— Это было бы верхом самоуверенности! Ведь даже то, что я поступил в театральную студию, многих удивило. Представьте мальчишку, далеко не тихоню, но обремененного знаниями. Но я мечтал только об одном: стать актером! Мечтал тайно. И при этом ничего не знал об актерском деле.

Мы жили на окраине Архангельска, в заводском поселке на берегу реки. Наверное, сам северный простор, сама природа заставили как-то особо воспринимать себя в окружающем. Театром для нас были улица и река. А самым светлым праздником — выборы. Заводские пацаны занимали всю площадку перед сценой и часами заворожено смотрели на артистов. Сцена несет радость людям — вот, пожалуй, откуда у меня мечта о театре. Как я завидовал артистам, как мечтал быть на их месте. Но даже маме стеснялся говорить об этом.

Теперь я благодарен своей

юности — она оказалась смелой и настойчивой. Закончил студию, затем актерский факультет ГИТИСа имени А. В. Луначарского. Вообще не хочу хвастать и говорю об этом лишь потому, что считаю: человек обязан добиваться поставленной цели, каких бы усилий ему это ни стоило. Не люблю, не уважаю людей безвольных, ленивых.

— Но вы можете, кажется, сказать, что ваш путь в актеры оказался счастливо гладким?

— Он был и трудным, и неровным. Мне пришлось пережить немало горьких дней, когда работа не ладилась и в результате я оказывался в полном провале. Впрочем, неудачи подстергают и сейчас, в каждой новой роли, и я ничуть не легче переношу свои поражения.

— Бывали моменты, когда хотелось бросить сцену?

— Только в те тяжкие дни, когда переживал срыв и размышлял: нужен ли я театру? Но в том, что он-то мне необ-

ходим, простите за банальное сравнение, как воздух, я не сомневался никогда. Да и чего бы я добился, не будь рядом мои наставники, товарищи? С. Н. Плотников и К. К. Кулагина, Б. И. Горшенин и В. А. Каленчук, Л. П. Кузнецова и О. И. Уколова, В. И. Шостенко и Б. И. Воронков... Их мастерство, их верность делу стали моими актерскими университетам. Признаюсь, иной раз мне от них и попадало крепко, но обижаться я не мог.

— Но ведь актеры, особенно молодые, очень ранимы.

— А педагоги, рабочие или врачи — меньше? Не будем путать чувство собственного достоинства с критическим отношением к себе. В любой профессии человек, зараженный зазнайством, себялюбием, неуважением к товарищам, обречен на духовный и профессиональный тупик.

— В тупике, по разным причинам, оказались и герои произведений, инсценированных вами. Но как появилось желание перенести прозу на подмостки?

— Тут, конечно, виноваты повести Валентина Распутина и Н. К. Жерякова. Я вдруг осутил, что болевые точки авторов совпадают с моими — актерскими и человеческими. Это чувствуешь не только умом, но всем своим существом. И уже не можешь остановиться — опускаешься в ту атмосферу, в которой страдал и радовался, побеждал и падал автор вместе со своими героями. Но я актер и все это переношу на сцену. Поверьте, труд этот тяжелый и очень ответственный. Ведь нельзя ни на йоту отступить от замысла писателя, не казнить его мысли или чувства.

Впрочем, кое-какие уроки я получил еще в студии, от своего первого учителя, ныне главного режиссера Одесского русского театра драмы, лауреата Государственной премии Украины народного артиста УССР В. С. Терентьева. Он поощрял мои литературные, тогда очень робкие пробы и попытки режиссировать. Теперь я горячо благодарен ему.

— А не мешает эта разносторонность главному делу — актерскому?

— Напротив. Замечая, что более глубокое изучение литературы, опыт режиссуры помогают в работе над ролями. Невозможно вот так сразу рассказать, как создается тот или

иной сценический образ — ведь это тоже по-разному. Но смею думать, что сегодня мне удается иногда поглубже заглянуть в характер. А как это получается, пусть скажут зрители.

— Мы, зрители, признаем ваш опыт. Но... не верим, что вам уже сорок. Еще недавно вы успешно играли гайдаровского Жигана в «Р.В.С.», юным был Егорша в спектакле «Две зимы и три лета». Можно ли по этим примерам судить о том, что молодость актера не зависит от возраста?

— До определенного периода. Я эту черту уже перешагнул. Мой любимый спектакль «Две зимы и три лета» ушел в прошлое. Теперь только остается вспоминать, что работа с режиссером Э. С. Симоняном над образом Егорши стала для меня очень важным этапом.

А что касается понятия «молодой актер», то тут есть о чем подумать. Если имеется в виду возраст актера, то беды нет — наоборот, молодость прекрасна, главное — не потратить ее впустую. В молодости человек должен окрепнуть и духовно, и нравственно, и профессионально. Позднее будет трудно нагонять упущенное. Но бывает и так, что человеку уже за сорок, и «седина усыпала виски», а он до сих пор ходит в молодых, в начинающих. Когда же можете считать его зрелым художником? Впрочем, подобных «вечных юношей» можно встретить не только в театре. Инфантилизм — есть результат иждивенческого отношения к жизни. А способствуют иждивенчеству опекуны, излишняя перестраховка, косность, недоверие: мол, что они умеют? В таких условиях развитие творческой личности либо замедляется, либо вовсе гаснет.

Очень остро говорят сейчас о повышении роли человеческого фактора в любой сфере деятельности. Важная роль в этом отводится искусству, литературе. Какие мысли мы вынесем, зрители, какие чувства вызовем у него — с тем он и придет на производство, с тем будет и работать.

Об этом у нас в театре недавно говорили участники зрительской конференции, организованной по инициативе горкома КПСС. Присутствовали секретари партийных организаций многих предприятий города. Думаю, способствовал разговору и спектакль «Я, конечно, человек маленький». Через все выступления прошла мысль: следует так поставить дело, чтобы посещение театра стало духовной потребностью каждого архангелогородца.

— Думается, у коллектива ломоносовцев есть такие возможности. Об архангельской труппе не раз хорошо отзывались и критики, и зрители.

— Да, я тоже верю в силу нашего театра. Вспомним спектакли «На дне», «Егор Булычев и другие» М. Горького, «Бешеные деньги» и «Красавец мужчина» А. Н. Островского, постановки на современные темы — «Между ливнями» А. Штейна, «Не стреляйте в белых лебедях» Б. Васильева... Однако нельзя жить только прошлыми заслугами. От нас требуется активный, незамедлительный отклик на перемены, происходящие сейчас в обществе. Как и все советские люди, мы взволнованно ждали открытия XXVII съезда КПСС. Знаем, что на партийном форуме по-ленински страстно и открыто будет оценена деятельность советского искусства, и столь же страстно, по-ленински четко определены будут задачи, которые нам предстоит решать. Новое стучит в дверь сценического искусства. И мы, люди театра, не имеем права оставаться за закрытой дверью.

Записал
Д. ИВАНОВ.

Фото В. Гайкина.